
К ВОПРОСУ О МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

С.Н. Уваров, С.В. Козловский

Кафедра отечественной истории, социологии и политологии
Ижевская государственная сельскохозяйственная академия
ул. Студенческая, 11, Ижевск, Удмуртская Республика, Россия, 426069

Статья посвящена изучению современного состояния межэтнических отношений в Удмуртской Республике. Рассматривается отношение населения республики к иноэтничным трудовым мигрантам, выявляются проблемы в сфере межнационального общения и причины нетолерантного поведения, предлагаются пути снижения напряженности в повседневной социальной практике.

Ключевые слова: межнациональные отношения; отношение к трудовым мигрантам; толерантность.

Тема межэтнических отношений и толерантности всегда была актуальной, но в связи с последними событиями на Украине она приобретает особое значение. В настоящее время стремительно развиваются исследования социально-активных групп, молодежи [1], студентов [5. С. 119—126], их взглядов на проблему трудовой миграции и толерантности к представителям «некоренного» населения. Однако ситуация постоянно меняется, в обществе всегда присутствует определенный уровень ксенофобии.

Удмуртия в этом отношении остается уникальным многонациональным регионом, в котором, несмотря на наличие тех же проблем, удастся поддерживать достаточно высокий уровень толерантности в повседневной социальной практике [7].

В декабре 2013 г. сотрудниками лаборатории истории, педагогики и социологии села при Ижевской государственной сельскохозяйственной академии было проведено социологическое исследование состояния межэтнических отношений в Удмуртской Республике. Данная работа базировалась на методике, выработанной в ходе исследования влияния кризиса на межэтническую ситуацию в Удмуртской Республике, результаты которого были нами опубликованы в 2009 г. [3. С. 44—48]. Целью исследования было выявление изменений, связанных с восприятием этнического элемента социальных отношений в наиболее спокойный период времени (подготовка к празднованию Нового года), когда влияние негативных факторов на восприятие является наименьшим [4. С. 69—74].

Респондентам была предложена анкета из 36 вопросов, которую условно можно разделить на 5 блоков: общие сведения о респонденте; идентификация респондента с определенной национальностью; знание о культуре своего народа; осведомленность и личный опыт опрашиваемого об этнокультурных взаимоотношениях; мнение респондента об этнической политике в Удмуртской Республике, России и мире.

В ходе исследования на первом этапе очно были опрошены 600 респондентов из числа молодежи республики Удмуртия, представителей наиболее социально-

активных групп населения (отбор по принципу отсутствия детей, семьи и постоянной работы). Из них 250 студентов очной формы обучения 1—4 курсов всех факультетов Ижевской ГСХА, 50 студентов ИжГТУ, 50 студентов УдГУ в возрасте от 17 до 24 лет, 100 студентов заочной формы обучения Ижевской ГСХА, 150 представителей молодежных групп, не указавших принадлежности к конкретным учебным заведениям. Опрос проводился как методом интервьюирования, так и анкетирования. Кроме того, 100 респондентов средней возрастной группы (25—49 лет), имеющие детей и /или состоящие в браке (т.е. представляют более социально-ответственное население с точки зрения исследователей) приняли участие в фокус-группах.

На втором этапе при выявлении мнений старшей возрастной группы (от 50 до 74 лет) и при исследовании мнений жителей отдаленных районов Удмуртии 150 анкет было роздано методом «снежного кома» (студентам-интервьюерам предлагалось опросить своих знакомых и родственников). Наиболее «тяжелые» вопросы были затронуты в ходе дискуссий в социальных сетях и на интернет-форумах, что позволило до некоторой степени проверить полученные результаты, но существенных отличий выявить не удалось (1).

Большая часть опрошенных проживает в сельских поселениях (33%), в районных центрах (20%), в малых городах Удмуртии и соседних регионах (22%) и в Ижевске (25%). Таким образом, можно констатировать, что исследованием были охвачены основные территориально обособленные социальные группы.

Ответы на вопросы анкет во многом подтвердили тенденции, отмеченные исследованиями прошлых лет. Например, на вопрос «гражданином какого государства (национальной республики) Вы считаете себя, в первую очередь?» 42% ответило — гражданами УР, 5% — гражданами РФ и УР в равной степени, 53% — гражданами РФ.

Главным объединяющим фактором по-прежнему считают «общее происхождение и историческую судьбу» (46%), на втором месте самобытная национальная культура (23%), на третьем — схожесть внешних черт (13%), национальный язык (6%), религия (6%), особенности поведения и характера (6%) оказались на последнем месте.

Отношение к национальности, наоборот, изменилось. Лишь 37% указали на то, что национальная принадлежность позволяет сохранить память о предках, о Родине и ее истории (ранее было 67%). Восприятие национальности как основы для взаимопомощи сохранилось почти на том же уровне, что и раньше — 18% (было 20%). Заявили об абсурдности понятия национальности в современных условиях 16% респондентов, преимущественно городских по происхождению (2). Положительно отнеслись к исключению из паспорта графы «национальность» 62%, безразлично 19%, отрицательно высказались 19% опрошенных.

Отношение к религии фиксировалось нами впервые: 20% заявили о том, что соблюдают все нормы, правила и обряды, 69% указали, что соблюдают, но не всё, 11% заявили, что не придают им значения. Соблюдают все нормы (стараются соблюдать) преимущественно старшие возрастные группы. Среди молодежи также влияние религии выросло, но пока лишь в качестве символа культурной принадлежности.

Знания об истории, языке, культуре своего народа большинство молодых людей получают в семье и у родственников (50%), остальные — из средств массовой информации. Знакомы с культурой своего народа 86% опрошенных, но считают, что знают ее «хорошо» лишь 35%, и 44% «имеют некоторые знания», 14% не осознают культуру своего народа. Лишь 17% интересовались культурой и обычаями других народов, и только 19% выразили желание сделать это в будущем.

В отношении родного языка ситуация практически не изменилась. В городской черте общение происходит преимущественно на русском, в сельских поселениях на русском и удмуртском, в семье — на родном языке.

Чувства обиды или унижения в связи с национальностью часто испытывали 6% и «иногда» 8% респондентов. Средние цифры не дают адекватного представления о ситуации. Большая часть испытавших унижения или обиды в связи с национальностью — удмурты. Они указывали, что такое «иногда» случалось в 20% анкет. Иными словами, представленная В.А. Тишковым ситуация [6], с неизбежными незначительными оговорками, соответствует действительности до сих пор.

В ходе исследования в рамках социометрических процедур и фокус-групповых дискуссий выяснилось, что большинство случаев унижений, обид и взаимных претензий имели место в тех случаях, когда удмурты сами пытались продемонстрировать национальную принадлежность, требовать к себе особого отношения и привилегий (3). Примерно такая же ситуация сложилась в отношении представителей остальных национальностей и религиозных групп, чувствующих себя ущемленными — ко всем существует нормальное, равное отношение, пока не начинается демонстрация своей национальной или религиозной исключительности. Иными словами, в обществе Удмуртской Республики существует негласное правило: «не спрашивают — не говори», согласно которому национальность и религиозную принадлежность скрывать не принято, но и заявлять о ней публично считается признаком дурного тона.

Вопрос **нетерпимости к представителям других национальностей** в силу незначительности прямых ответов на данный вопрос (респонденты стараются подчеркнуть отсутствие национальных и религиозных предрассудков, вплоть до демонстративного ответа «я не расист!») пришлось переформулировать и актуализировать. На вопрос «представителей каких национальностей Вы не хотели бы видеть среди своих соседей?» были получены следующие ответы: удмуртов (5%), русских (6%), татар (8%), народов Средней Азии (13%), евреев (15%), народов Кавказа (24%), цыган (29%), иное (единичные ответы, указывающие на более редкие национальности — 5%). Ответ на этот вопрос можно рассматривать как реально существующий в обществе уровень межэтнической враждебности (толерантности).

При этом межнациональные браки не одобряет 24% респондентов. Количество не одобряющих с возрастом увеличивается, национальность и пол при брачном выборе больших расхождений не выявляют. На первом месте в брачных предпочтениях указывается личное отношение (любовь и влюбленность), на втором находится имущественный фактор, и лишь на третьем — национальность и религия (отмечалось стремление передать знание родного языка и культуры).

Круг общения большинства респондентов не является замкнутым ни по национальному, ни по религиозному признаку. Среди друзей опрошенные указывают наличие как православных, так и мусульман, как русских, так и удмуртов, татар и т.д. Тем не менее, для работы над совместным проектом преимущественно выбирают представителей своей национальности, если их нет, то русских, но отказываются работать вместе с представителями кавказских и среднеазиатских народов. В каждом районе свои предпочтения в этом вопросе — где-то стараются не брать на работу марийцев, где-то — русских, удмуртов и т.д., но причина обычно указывается одна и та же — пьянство, т.е. это не национальные предрассудки, а скорее стереотипы.

В ходе фокус-группового исследования выяснилось, что в отношении представителей кавказских народов сложилось стойкое убеждение: «они работать не любят, хотят, чтобы за них работали другие». Основная причина нежелания работы с представителями среднеазиатских народов: «плохое знание языка, неяршливость и упрямство».

К мигрантам в большинстве случаев респонденты относятся спокойно, с некоторой долей настороженности. Их труд замечен в торговле, строительстве и на подсобных работах. В отличие от предыдущего опроса, негативной реакции эти виды занятости мигрантов почти не вызвали в силу относительно невысокой оплаты и тяжести труда в данной сфере с одной стороны, и отсутствия ярко выраженного страха перед кризисом с другой. В 2009 г. была отчетливо заметна конкуренция за места в торговле, и, как следствие, недовольство мигрантами, частично занимающими эту сферу деятельности.

Этнические автостереотипы (этническая самопрезентация) старшекласников уже исследованы в Удмуртии В.С. Воронцовым [2. С. 174—181], но проблема шаблонности восприятия представителей других народов исследована не столь глубоко. Более того, стереотипы восприятия иных этносов со временем меняются гораздо быстрее, чем представления о своем народе. Проблема стереотипного восприятия нами была актуализирована путем акцентирования внимания респондентов на отношении к трудовым мигрантам (гастарбайтерам). При ответе на вопрос о том, представители каких национальностей наиболее подходят для различных сфер деятельности, удалось выявить следующие стереотипы.

Единственный вид занятости, в котором население готово и даже желает видеть евреев, — медицина (на втором месте русские и татары). В торговле подавляющее преимущество имеют выходцы из Средней Азии, азербайджанцы и татары, в образовании — русские, татары и удмурты, в промышленном производстве — русские и удмурты, в сельском хозяйстве — удмурты, татары, русские.

Вызывает большой интерес появление в ответах указания на национальности из дальнего зарубежья. В качестве мигрантов **население готово принять** немцев, англичан, американцев, японцев, причем во всех сферах деятельности. Из народов ближнего зарубежья не вызывают отчетливо негативной реакции украинцы и белорусы, казахи и киргизы.

На вопрос «что именно раздражает в поведении представителей других национальностей?» (приписываемые стереотипы поведения, ожидания) были получены следующие ответы:

— русские — высокомерие, грубость, несобранность, неорганизованность, разгильдяйство, неуважение, лень, пьянство;

— удмурты — речь, бескультурье, зависть, бесхозяйственность, лень, жадность, заниженная самооценка, скрытность, трусость, глупость, ложь, слабохарактерность;

— татары — чванство, гордыня, хитрость, наглость, своеволие, жадность, скупость, ложь;

— народы средней Азии — наглость, хамство, неграмотность, необразованность, неряшливость, тупость, самолюбие, хитрость, скупость, неопрятность;

— евреи — хитрость, жадность, алчность, агрессия, наглость, скупость;

— кавказские народы — наглость, хамство, упрямство, вспыльчивость, агрессия и злоба, высокомерие, своеволие, жестокость, конфликтность, нежелание трудиться;

— цыгане — ложь, обман, воровство, навязчивость, неопрятность, попрошайничество, вымогательство, шумливость, глупость, нежелание трудиться.

Представленные характеристики негативно воспринимаются в любой сфере деятельности. Тем не менее, наиболее часто в отношении русских указываются такие качества, как несобранность, грубость и пьянство; в отношении удмуртов — речь, скрытность, слабохарактерность; в отношении татар — чванство; в отношении народов Средней Азии — необразованность, неряшливость; в отношении евреев — хитрость и алчность; в отношении кавказских народов — конфликтность, высокомерие, хамство, нежелание работать; в отношении цыган — воровство и обман.

В ходе интервью выяснилось, что представители кавказских народов (мужчины) также оценивают местное население негативно: русских — за пьянство и неорганизованность, удмуртов — за «скрытность» (действия исподтишка), народы Средней Азии — за тупость (необразованность) и неряшливость, евреев — за хитрость и жадность, цыган — за воровство и обман. Наиболее негативную оценку получили женщины Удмуртии (да и в целом Российской Федерации, за исключением Кавказа) за «развратное поведение». Тем не менее, более позитивную окраску в их восприятии имеют жители района, в котором они проживают. Своими соседями они хотели бы видеть других представителей народов Кавказа, и, в крайнем случае, татар, которых они также оценивают лишь немногим выше, чем русских и удмуртов.

Несмотря на подобные оценки, уровень их враждебности к местному населению относительно невелик и проявляется скорее как презрение по отношению к «неправильному» («развратному») образу жизни. Ключевым звеном в оценке человека для них является «достоинство», то есть «правильное» поведение в соответствии со стереотипами престижности — независимость, взаимопомощь, материальная обеспеченность, «мужская» работа, немедленный негативный ответ

на любую угрозу, своеобразный «мачизм». Реальная или мнимая угроза потери статуса заставляет их постоянно находиться в состоянии стресса. Малейшее несоответствие «правильному» идеалу вызывает у них комплекс неполноценности, попытки занять соответствующее положение любой ценой, невзирая на отсутствие должной квалификации и способностей, наталкивающиеся на непонимание окружающих, агрессию, и, как следствие, проблемы в повседневном общении. Они не теряют связи с «исторической родиной» и возят туда своих детей для ознакомления с «правильным» образом жизни. Благодаря этому социальная дистанция между местным населением и данной категорией граждан остается значительной и характеризуется высоким уровнем взаимного недоверия.

В межэтнической ситуации наиболее ущемленными чувствуют себя удмурты. Их национально-культурная идентичность архаизирована и практически несовместима с современностью. Большинство удмуртов, среди респондентов, заявивших о готовности яростно отстаивать свою культурную идентичность, позиционировали себя как язычники, идеальный образ в сознании которых соответствует архаике. **Удмуртская культура** у респондентов стойко **ассоциируется с деревенской**, которая подсознательно воспринимается как «отсталая», менее престижная, чем городская (русская). На серьезные проблемы с самовосприятием указывает тот факт, что 15% из числа заявивших о том, что их родным языком является удмуртский, не стали позиционировать себя в качестве удмуртов по национальной принадлежности.

Наибольшим раздражителем, своего рода «красной тряпкой» для 30% опрошенных из числа русских и татар является удмуртский говор (речь) и акцент. Негативное восприятие удмуртского языка представляет собой загадку (для сравнения, татарский язык негативного отношения у респондентов не вызвал вообще). Горожане, в ходе фокус-группового исследования, заявили, что разговор на удмуртском воспринимается ими как «сговор за спиной», т.е. невежливое, скрытное, подозрительное поведение. Также вызывает нарекания критически большое использование в разговорной удмуртской речи русских или «неправильных» слов. Русским и татарам кажется, что удмурты коверкают язык, и, вместо того, чтобы говорить грамотно, используют смесь русских и удмуртских слов. Он воспринимается приблизительно как «пиджин-инглиш».

В ходе интервью респонденты-удмурты заявили о том, что, по их мнению, в городе говорят на «другом удмуртском», с неправильным произношением, более сложными и искусственными словоформами, часто непонятными для них. Тем не менее, употребление данного (литературного) варианта удмуртского языка постепенно растет, несмотря на крайне «щекотливое» положение носителей языка. Так, в частности, некоторые респонденты в интервью признались, что удмуртский язык используется (русскими и татарами) как элемент смеховой и карнавальной культуры. Поэтому удмуртская речь употребляется преимущественно на бытовом уровне, в семье, в сельской местности, среди друзей, где вероятность «косых взглядов» и насмешек маловероятна. Отсюда представления о «скрытности» и «стеснительности» удмуртов. При этом все вышесказанное касается почти

исключительно отношения к языку, а не к удмуртам как нации. В республике удмурты имеют наименьший уровень враждебности по отношению к себе — 5% (у русских — 6%).

Перспективы развития этнической ситуации в Удмуртии весьма неоднозначны — у нас многонациональная республика, в которой «титულიная нация» не составляет большинство ни в демографическом, ни в культурном отношении. По-прежнему можно вести речь о высоком риске коррупции по национально-родовому признаку, значение принадлежности к которому постепенно уменьшается — 18% (2013 г.) вместо 20% (2009 г.). Однако существует достаточно серьезная угроза проявления межнационально-правовых конфликтов при изменении этнического, трудового (вид занятости и количество рабочих мест) и религиозного баланса.

Население выступает против мигрантов только в том случае, если они не способны адаптироваться и образуют диаспоры. В фокус-групповых дискуссиях отчетливо прослеживается идея регулирования (а не прекращения) миграционных процессов не только методом квотирования по количеству, но и по этнической принадлежности — чем больше разных по культуре этносов присутствует в обществе, тем лучше равновесие в социальных отношениях.

Иными словами, эпоха «плавильного котла» этносов в рамках русской (советской) культуры закончилась, но в качестве альтернативы возможно введение стратегии «взаимного сдерживания», системы сдержек и противовесов для ограничения влияния различных национально-культурных групп на основе поддержания некоего баланса соотношения их численности, путем регулирования миграции и формирования системы санации судебно-правовой системы, возможно с возвратом идеи народных заседателей или более широкого применения суда присяжных.

Наименьшую обеспокоенность пока вызывает религиозный баланс, хотя неохиты (язычники и мусульмане) достаточно радикальны в своих взглядах, но дальше неудовлетворенности «неравенством» (4) и «образом жизни» речь пока не идет. Наибольшие проблемы могут возникнуть на межнациональной почве в случае нарушения норм права представителями диаспор — уровень бытовой враждебности по отношению к представителям народов Кавказа и к цыганам чрезмерно высок — 24% и 29% соответственно при относительной норме в 5—6%.

Необходимо учитывать еще и то, что эти результаты были получены в достаточно спокойной и умиротворенной обстановке. В случае обострения ситуация легко может выйти из-под контроля, и если типичной негативной реакцией в районах с преобладающим удмуртским населением будет латентный конфликт в форме бойкота и иных действий «исподтишка», то в городах и местностях, где преобладающим населением являются русские и татары, возможны открытые стихийные выступления с непредсказуемым результатом.

Для стойкого улучшения межэтнических отношений, снижения уровня ксенофобии необходимо морально-правовое давление — требуется изменить социальный образ жителя республики, сделав его единым, устранив источники негатива (пьянство, неорганизованность, вызывающее поведение), например, путем массовой пропаганды здорового образа жизни, этикета и правовой культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Сайты специфической направленности, в силу их изначального акцента на отстаивании интересов отдельных этнических групп, нами игнорировались, поскольку в сфере наших интересов были настроения «обычных» людей, не имеющих ярко выраженного комплекса национальной исключительности.
- (2) Один из ответов был, например, таким: «Я на 25% русская, на 50% татарка, на 25% удмуртка». Иными словами, вопрос национальности в Удмуртской Республике определяющим не является, поэтому привязывать к нему проблему ксенофобии или толерантности неправильно. Определяющую роль играет фактор культурной идентификации — городской/сельской, религиозной, территориальной и т.д., запуская «включение» стереотипа восприятия соответствующей культуры, формирующего ожидания типичного поведения ее представителей.
- (3) Следует обратить внимание на то, что те же 6% респондентов указали в качестве правильного ответа на вопрос о том, «кто должен иметь привилегии при поступлении в ВУЗы?» вариант «удмурты».
- (4) Например, государственный характер имеют православные праздники, но не мусульманские, хотя законом декларируется равенство граждан.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Воронцов В.С.* Этническое самосознание учащейся молодежи Удмуртии (по данным этносоциологических вопросов): дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2003.
- [2] *Воронцов В.С.* Этнические автостереотипы в представлениях старшеклассников Удмуртии // Вестник Удмуртского университета. 2005. № 7.
- [3] *Козловский С.В., Орехов П.М.* К вопросу о влиянии кризиса на межэтническую ситуацию в Удмуртской Республике // Шибановские чтения. Вып. 5. Ижевск, 2009.
- [4] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Страхи и опасения российского студенчества: возможности эмпирической фиксации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2.
- [5] *Пузанова Ж.В.* Исследование этнической толерантности в полиэтнической молодежной среде РУДН // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2010. № 4.
- [6] *Тишков В.А.* Удмуртская Республика. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/na_puti_k_/udmurtskay.html.
- [7] *Тишков В.А., Степанов В.В.* и др. Молодежь в полиэтнических регионах Приволжского федерального округа. Экспертный доклад. Оренбург, 2013.

ON THE PROBLEM OF INTERETHNIC SITUATION IN THE UDMURT REPUBLIC

S.N. Uvarov, S.V. Kozlovsky

Chair of Russian History, Sociology and Political Science

Izhevsk State Agricultural Academy

Studencheskaya str., 11, Izhevsk, Udmurtia, Russia, 426069

The article is devoted to the current state of interethnic relations in the Republic of Udmurtia. Considering the population perception of labor migrants from other ethnic groups, the authors identify the key problems in the sphere of interethnic communication and reasons for intolerant behavior, suggest some ways to reduce tensions in everyday social interaction.

Key words: interethnic relations; perception of labor migrants; tolerance.

REFERENCES

- [1] *Vorontsov V.S.* Etnicheskoe samosoznanie uchashhejsja molodezhi Udmurtii (po dannym etno-sociologicheskikh voprosov): diss. ... kand. ist. nauk. Izhevsk, 2003.
- [2] *Vorontsov V.S.* Etnicheskie avtostereotipy v predstavlenijah starsheklassnikov Udmurtii // *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. 2005. № 7.
- [3] *Kozlovskij S.V., Orehov P.M.* K voprosu o vlijanii krizisa na mezhethniceskiju situaciju v Udmurtskoj Respublike // *Shibanovskie chtenija*. Vyp. 5. Izhevsk, 2009.
- [4] *Narbut N.P., Trotsuk I.V.* Strahi i opaseniya rossijskogo studenchestva: vozmozhnosti empiricheskoj fiksacii // *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija*. 2014. № 2.
- [5] *Puzanova Zh.V.* Issledovanie etnicheskoi tolerantnosti v polietnicheskoi molodezhnoj srede RUDN // *Vestnik RUDN. Serija «Sociologija»*. 2010. № 4.
- [6] *Tishkov V.A.* Udmurtskaja Respublika. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/na_puti_k_udmurtuskay.html.
- [7] *Tishkov V.A., Stepanov V.V. i dr.* Molodezh' v polietnichnyh regionah Privolzhsckogo federal'nogo okruga. Ekspertnyj doklad. Orenburg, 2013.